

В. Н. Фаронов

Особенности менталитета сибирских рабочих конца XIX — начала XX в. (по материалам Томской губернии)*

V. N. Faronov

The Features of the Mentality of Siberian Workers at the End of the XIX — the Beginning of the XX Centuries (on Materials of the Tomsk Province)

На основании широкого спектра источников (личного происхождения, фольклорных, делопроизводственных и данных периодики) исследовался менталитет рабочих Сибири. Было установлено наличие в нём и дальнейшее развитие ментальных конструкций, присущих человеку индустриального общества. Однако в целом в менталитете многих рабочих из-за их непродолжительной по времени и неглубокой по характеру пролетаризации ведущими оставались структуры традиционной ментальности.

Ключевые слова: менталитет, рабочие, отношение, этика, настроения.

Проблема менталитета и его изменения у различных социальных слоев общества под мощным воздействием процесса модернизации вызывает немалый интерес у исследователей различных научных дисциплин, в том числе и у историков. Что такое менталитет? На сегодня нет четкого и однозначного ответа на этот вопрос. В нашем исследовании под менталитетом следует понимать неотрафлексированные структуры сознания больших социальных групп, включающие в себя основы мировоззрения, самосознания, ценностных ориентиров и стереотипов поведения, которые отличаются устойчивостью к воздействию внешних факторов.

Объектом нашего исследования является сибирский пролетариат, рассматриваемый на примере Томской губернии. Хронология исследования — 1880–1910-е гг. Основная задача — определить основные черты менталитета формирующегося класса промышленных рабочих в период перехода от традиционного к индустриальному обществу.

В Томской губернии рассматриваемого периода рабочий класс включал в себя небольшой слой квалифицированных рабочих транспорта и обрабатывающей промышленности, значительное количество рабочих из бывших мастеровых кабинетских предприятий Алтая, рабочих приисков и неквалифицированного пролетариата городов и промышлен-

ных сел. Основной кадровой базой формирования пролетариата являлось многомиллионное крестьянство. Пополняли его ряды также и городские мещане, ссыльнопоселенцы, бывшие военные и др. Особенностью формирования сибирского пролетариата было наличие в нем значительного числа переселенцев из России, преимущественно крестьян [1, с. 457; 2, с. 103–116]. Поэтому естественным представляется факт присутствия в рабочем сознании больших слоев традиционной ментальности, согласно которой государство виделось большой общиной, наподобие крестьянского мира, во главе с заботливым царем-батюшкой. И все в этом патриархальном мире было бы идеально, если бы не злодей-барин или местный начальник, против которых крестьяне порой учиняли стихийные и жестокие бунты. Самосознание крестьянина-общинника было слабо индивидуализировано, он не осознавал себя отдельно от общины. Трудился крестьянин понемногу и не спеша, за исключением двух в году сезонов напряженной работы, что соответствовало присущей традиционному обществу «этики праздности», в которой труд не являлся высокой ценностью. Отсюда и отрицательное отношение к тем, кто больше работал и стремился к личному обогащению, а также и неприятие частной собственности, за которой обязательно стоял «неправедный», т. е. направленный на получение прибыли, труд [3; 4].

Key words: mentality, workers, relation, ethics, moods.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Рабочая семья Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.», проект № 12-01-00100а.

Сравним вышеозначенный образец крестьянской ментальности с ментальными структурами рабочих Сибири. Так, например, среди сибирских рабочих были широко распространены промонархические настроения и соответствующая им крестьянская вера в доброго царя и несправедливых местных начальников. В своих жалобах и прошениях они пытались довести до сведения двора информацию о злодеяниях, которые без ведома государя творили чиновники. Ходили слухи о якобы утаенных начальством царских манифестах, дарующих милости простому народу [1, с. 130]. С местным начальством, предпринимателями, а также служащими у рабочих часто складывались весьма напряженные отношения. В одной из статей «Сибирской газеты» так писалось о взаимоотношениях на спичечной фабрике Ворожцова в Томске: «Каковы отношения между хозяином и рабочим, видно из того, что хозяин на фабрику никогда не ходит один и без револьвера» [5, с. 94].

О ненависти к начальству и источнике ее возникновения писал управляющий Кольчугинской копи. В рапорте от 22 января 1893 г. он уверяет, что ненависть рабочих к начальству является остатком «озлобленности, какую таили в себе рабочие еще во времена крепостного права; это — запоздалая месть за те жестокости, которым подвергались рабочие в минувшее, но еще далеко не забытое время... Старики, испытавшие всю тяжесть крепостного труда, еще живы и передают детям свою ненависть к начальству как к безжалостным притеснителям» [6]. Ниже в том же документе описываются и методы выражения протеста рабочими, по сути своей сходные с крестьянскими: «выбивание окон в доме управляющего, приклеивание к дверям самой отборной площадной брани, различные доносы по начальству» [6]. Подобная форма протеста получила отражение и в народном творчестве. В одной из бытовавших в рабочей среде песен хорошо обрисовывается типичная протестная ситуация, равно как и задается некий идеальный образ рабочего:

*Петрованы-гулеваны,
Что заробят, то пропьют,
На завод потом идут.
Подбегает мастер к стану
— Я ругать тебя не стану,
Распотрошу, как козу,
Все начальству доложу.
— Не боюсь тебя, начальство,
Пообвыкли мы к нахальству,
Маша добра у меня,
Наплевать мне на тебя.
Мастер сдуру осердился,
За железину схватился,
На петорована хоп-скачок.
Петрована потаскали,
Жандармы ребра поломали,*

*Но не сдался петрован,
На то русский он Иван.
Петрованы-гулеваны
Не боятся никого,
Как послушаешь их песни,
Ох, и браво до чего [7, с. 63–64].*

Таким вот представлялся идеал рабочего-гуляки, которому «море по колено», а вся борьба которого за свою «лучшую долю» сводилась к нарушениям дисциплины и потасовкам с администрацией и полицией.

Кроме хулиганских действий и доноительства в качестве своеобразной формы протеста массовым явлением было также бегство с работы до окончания контракта [8, с. 11–12, 15]. Нередкостью на предприятиях Томской губернии были и стачки, преимущественно экономического характера. Но они являлись скорее проявлением крестьянского менталитета, т. е. походили больше на стихийные бунты, чем свойством нового класса промышленных рабочих [9, с. 81]. Даже исследователи советского времени вынуждены были констатировать факт того, что «в рабочем движении преобладали в предреволюционный период стихийные выступления — экономические стачки, волнения, жалобы и побегии... Большая часть стачек... были краткими вспышками протеста, направленными на достижение сиюминутных целей» [10, с. 98].

Рабочий фольклор, бытовавший в среде мастеровых, в полной мере отражает эту ситуацию. Бессилие в противостоянии с властными породило многочисленные предания о справедливых разбойниках, грабящих богатых и раздающих неправедно нажитое добро беднякам. Так появились предания о бесстрашных борцах с притеснителями Кривоуцком, Сороке, братьях Белоусовых [11, с. 47–68, 88–99]. Популярными оставались также былины и песни об исторических личностях, переделанные народным сознанием под свое понимание и свои нужды. В частности, народным любимцем оставался Илья Муромец. Так, например, монархизм вместе с неприязнью притеснителей-начальников, которые были ненавистнее любого внешнего врага, отразились в былине, записанной С. И. Гуляевым в Сузунском заводе:

*И селал Илья Муромец тут коня добровы, ...
Садился на коня и вскричал:
«Ты гой еси, батюшко, Владимир-князь!
Поддай-ко мне своих изменников!»
Привели к нему князей-бояров,
И он посек им головы,
И побегал он в силу неверную [12, с. 70].*

Не меньшей популярностью пользовались песни о царе Иване Грозном, казнившем бояр-изменников, и народном герое Степане Разине [12, с. 149–166, 169–170]. В этих былинах и преданиях отражались идеалы всеобщего равенства, общества, где не было

богатых, начальников, а все были заняты общим трудом — по сути это были идеалы крестьянина-общинника. Избавление же от несправедливости возлагалось на некоего, обладающего сверхчеловеческими способностями, героя, что также являлось элементом пассивного ожидания спасителя, свойственного традиционному сознанию.

Однако социальные перемены вносили изменения и в характер фольклора. К концу XIX в. в старательской среде стали популярны в значительной степени обновленные предания о Горном Батюшке — хозяине земных недр [11, с. 145–170]. Это было сверхъестественное существо, которое, с одной стороны, помогало рабочим в их нелегком труде, с другой стороны, жестоко наказывало хозяев-угнетателей. В этих преданиях уже появились отголоски распада общинного сознания: Горный, например, помогает обогатиться не всем, а лишь отдельным работникам, что указывает на появление индивидуалистических тенденций в рабочей среде. Образ Горного вместил в себя проекцию архетипа коллективного бессознательного формирующегося рабочего класса. Об этом, на наш взгляд, совершенно справедливо писал А. А. Мисюрев: «Раньше, чем приисковые рабочие научились бороться с хозяевами... они допускали эти возможности в легендах о Горном... в этом образе сохранились некоторые черты космических представлений, но сущность его другая: это знаток земных глубин и путей в тайге, прозорливец и предупредитель катастроф, в то же время не дурак выпить, покурить табаку и подраться, а то как-нибудь иначе созорничать — это сам приисковый рабочий, увеличенный до размеров божества» [11, с. 42].

Здесь явно прослеживается рост рабочего самосознания. В нем все меньше остается места надеждам на помощь какой-либо внешней силы, так как эта сила все более отождествляется с самим рабочим. И хотя рабочие, в своем большинстве, еще не понимали общности классовых интересов, еще не осознавали всей своей потенциальной мощи, таившаяся в глубинной сути класса и могущей выйти наружу после ее осознания, овладения коллективной самодисциплиной и стратегией достижения своих целей, но благоприятная почва для реализации возможностей рабочего в его сознании уже существовала, пускай и в такой архаичной форме.

Вместе с тем нельзя не отметить тенденцию в среде сибирских рабочих, во-первых, роста организованной борьбы за свои права, в том числе и политической, и нарастания, во-вторых, антимонархических настроений [13, с. 178]. Отметим и то, что по числу забастовщиков за десятилетие с 1895 по 1904 г. Томская губерния занимала первое место в Сибири. Здесь было 1,6% всех забастовщиков страны [14, с. 13], что также свидетельствует о появлении рабочего мировоззрения и о распаде маргинальных для рабочей среды тради-

ционных представлений. Впрочем, и преувеличивать значение этой тенденции тоже нельзя.

Все это в целом схоже с ситуацией, в которой находились в это время и рабочие Европейской России: «Многочисленные документы зафиксировали сознательное или неосознанное отрицательное отношение рабочих к самодержавию, под которым, однако, понимались, прежде всего, не государственное устройство, а полицейско-бюрократический произвол администрации — на предприятии, в городе, губернии. В петиции царю многократно говорилось о гнете, испытываемом рабочими со стороны чиновников, о наглой эксплуатации рабочих капиталистами и о «граблящем и душащем народ чиновничьем правительстве». Но при этом монархическое устройство государства, власть царя не затрагивались» [15, с. 59]. В другом месте Ю. И. Кирьянов отметил следующее: «Часть же рабочих продолжала использовать и старые методы протеста, связанные скорее со своими прошлыми представлениями — уход (бегство) в нарушение договора найма, поджоги, погромные выступления, террористические акты и др.» [15, с. 67].

Наибольшее воздействие на сибирских рабочих, как и на рабочих страны в целом, оказывали социал-демократы: «Политически активные рабочие Сибири находились под влиянием в основном социал-демократов без ярко выраженного предпочтения какой-либо фракции РСДРП. Слой рабочих социал-демократов был тонок — 1–2 тыс. чел., или 0,2–0,4% рабочих Сибири» [5, с. 241].

Незначительное влияние на рабочих имели эсеры, основной опорой которых являлись интеллигенция, служащие, а позднее и офицерство. Впрочем, отмечалась активность эсеров в мобилизации революционных сил Сибири в тех местах, где социал-демократические кружки и группы были слабыми или вообще отсутствовали [16, с. 96–97]. После февраля 1917 г. расплывчатая программа эсеров, в которой обещалось предоставление благ всему трудовому народу, привлекла в их ряды мелкобуржуазную интеллигенцию, солдат, кулаков, зажиточных и средних крестьян и лишь совсем немного рабочих. Это явствует, например, из списков кандидатов в гласные Томской городской думы от организации эсеров. Было выдвинуто 103 кандидата, из которых только 5 чел. (4,9%) были рабочими. В Новониколаевске в таком же списке из 78 кандидатов от партии эсеров только 8 (10,3%) являлись рабочими [17, с. 61–62].

Чуждой большинству рабочих была деятельность черносотенных организаций. Незначительные по количеству членов организации, начавшие формироваться в Сибири с 1906 г., к лету 1908 г. существовали в Томске, Новониколаевске, Барнауле и некоторых других населенных пунктах [16, с. 142]. Пожалуй, только в Боготоле в подотделе Томского губернского совета Союза русского народа среди составляющих

его 17 чел. удельный вес рабочих (6 чел. из местного железнодорожного депо) был высок [16, с. 154]. Рабочих не могла привлечь черносотенская идеология, отрицающая существование рабочего класса в России.

Из этого можно сделать вывод о сходстве партийных предпочтений у сибирских и российских рабочих.

Об уровне развития личностного начала большинства рабочих красноречиво свидетельствовал П. Г. Смидович: «Рабочие привыкли жить толпою; они чувствовали себя хорошо, если они в толпе, и не любят оставаться в одиночестве. Они и дома ищут “компанию”, в праздник их тянет на “народ”, “на улицу» [18, с. 274]. В несколько смягченной форме об этом же пишет Ю. И. Кирьянов: «Одной из черт менталитета рабочих был коллективизм (по-видимому, эта черта имела еще крестьянские истоки). В конце XIX в. она была зафиксирована в популярном в среде рабочих лозунге «Один за всех и все за одного». Однако коллективизм рабочих (по крайней мере, до 1905 года) имел местный масштаб, не выходил за местные пределы — предприятия, города и связанного с ним региона» [15, с. 66]. Впрочем, какими бы причинами ни объяснялся рабочий коллективизм, он уже носил в себе потенциал совершенно новой, отличной от традиционной, солидарности. Так, например, не только организованная революционная и стачечная борьба характеризовала рабочего человека Сибири начала XX в. В рабочих просыпалась и становилась явлю тяга к хозяйственной и управленческой деятельности. Вот только один показательный пример становления рабочей кооперации в Барнауле, взятый из воспоминаний рабочего Ворожника: «В 1913 г. наш годовой оборот оказался равен 25 тыс., а в 1914 г. 50 тыс. рублей... В это время приобрели шерсточесальную машину. Кредитное товарищество и народный банк открывают кредит... Благодаря той политике, каковую мы вели... первосортные мастера стали членами нашей артели. Открыли контору. Рынок наполнился нашим катанком по Барнаульскому, Кузнецкому и Бийскому уездам. Экономическая мощь в корне изменила людей, вместо горьких речений, стали видеть перед собой людей расчета, здравой деятельности... Мы наглядно видели, как из бесхозяйственных людей, горьких пьяниц, на наших глазах рабочие росли в самых расчетливых и бережливых хозяев, не дичащихся культуры и образования... По примеру нашей артели стали организовываться артели других производств. Организовывались печники, грузчики, литейщики и т. д. Город весь был покрыт сетью объединений» [19].

Говоря о растущем рабочем коллективизме нового типа, нельзя не отметить огромного влияния на этот процесс женской эмансипации, особенно развитой в рабочей среде, где многие женщины наравне с мужчинами втягивались в производственную деятельность. Так, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. удельный вес

женщин среди рабочих Томской губернии составлял тогда 9,3% [20, с. 146–147]. В начале 20-х гг. прошлого века удельный вес работающих женщин составлял в Новониколаевке 23,5%, а в Барнауле — 38% [21; 22]. Все это не могло не отразиться на менталитете женщин-работниц. Их культурный уровень заметно возрастал (так, по данным «Сибирских вопросов», в 1907 г. грамотность женщин Томской губернии из класса промышленных рабочих почти в десять раз превышала грамотность крестьянок [23, с. 22]), их жизненная позиция принимала все более активную форму. Последнее хорошо иллюстрирует возрастание участия женщин в рабочем движении. Например, уже в 1897 г. среди членов Томской социал-демократической рабочей группы было как минимум две женщины [10, с. 206]. В 1904 г. в Томске женщины-работницы были задействованы в типографии Сибирского союза РСДРП [10, с. 297]. С началом 1905 г. в революционной деятельности также участвовали и женщины Томска. В октябре 1905 г. был образован комитет женщин-работниц [24, с. 157]. В ноябре того же года прошли собрания женщин-работниц с целью учреждения своего профсоюза [24, с. 163], который начинает свою легальную деятельность с декабря 1905 г. и продолжил ее в следующем году, уже на нелегальном положении. Количество членов этого профсоюза составляло в 1905 г. 35 чел., в 1906 г. — 70 чел. [24, с. 202]. В дальнейшем отмечаются стачки 50 работниц, трудящихся на отвале балласта в Новониколаевске в 1911 г., работниц макаронной фабрики Томска в 1913 г. и участие женщин-работниц в голодном бунте солдаток в Бийске в 1916 г. [25, с. 146, 193, 283]. И это только те стачки и волнения, в которых зафиксировано непосредственное участие женщин-работниц. Безусловно, они также участвовали в акциях рабочего движения, в которых участие женщин отдельно не фиксировалось.

В рабочей среде присутствовало и негативное отношение к частной собственности и накопительству [15, с. 64; 18, с. 274; 26, с. 147]. Здесь говорили: «Не пустишь душу в ад — не будешь богат» [27, с. 133]. Весь народный дух осуждал еще богатство, которое наживалось, согласно бытовавшему мнению, исключительно грабежом и стяжательством [27, с. 133–143]. В чести были те, кто так или иначе наказывали богатых [27, с. 143–145]. П. Г. Смидович отмечает: «Рабочие дорожат деньгами гораздо менее, чем другие слои общества, хотя можно было бы ожидать противоположного, имея в виду тот труд, которым зарабатываются эти рубли» [18, с. 274]. В годовом медицинском отчете Сузунского госпиталя за 1883 г. было записано: «Грамотных в заводе мало, проституция и особенно пьянство значительны. Судя по значительным суммам денег, расходящимся в населении (от извоза, заводских работ, ярмарки и ремесла), следовало бы предполагать о благосостоянии жителей, но в действительности этого нет: большин-

ство жителей бедные люди» [28]. Об этом же свидетельствовал и Берви-Флеровский: «...солидный первостепенный работник всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота отзываются очень хорошо: “Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит”» [26, с. 158]. Это нестяжательство вполне объяснимо господством традиционной трудовой этики, присущей социальным слоям доиндустриального общества: «Согласно принципам традиционной трудовой морали следует работать до удовлетворения скромных по своему составу потребностей семьи в питании, одежде и жилище, весь доход тратить на потребление и не стремиться к накоплению... Потребительское отношение к труду существовало во всех традиционных обществах и в литературе получило название “этики праздности”» [18, с. 243–244].

Одним из пороков, присущих не только рабочему классу, но именно в рабочей среде, ставшему наиболее сильным, являлось пьянство [29, с. 10–12; 26, с. 142–143]. В. К. Дмитриев писал: «...при переходе крестьян-земледельцев в ряды промышленно-городского пролетариата расход их на алкоголь возрастает в большее число раз, чем возрастает при этом переходе общая сумма их дохода... Решающим моментом, определяющим у нас уровень потребления в стране алкоголя, является... “Господин капитал”: всякое торжество капитала, всякое распространение его власти на новые массы крестьян, вышедших, — по своей ли воле, или в силу необходимости, — из-под “власти земли”, отражается на уровне душевого потребления алкоголя повышением этого уровня, как бы при этом ни складывались прочие обстоятельства» [29, с. 10–12].

Это объяснялось как тяжелыми условиями труда и быта большинства рабочих, так и их маргинальным состоянием неоформленности в класс промышленных рабочих. П. Г. Смилович так характеризовал эту ситуацию: «Жизнь не успела еще дисциплинировать эту массу... жизнь стерла все старое в их сознании (религию, традиции, прописную первобытную мораль), но еще только начинает писать нечто новое» [18, с. 281]. Во многих биографиях рабочих можно прочесть следующее: «...отец был пьяница. Были времена, что благодаря побоям отца я по два по три месяца жил у чужих», «Отец — алкоголик, от его сравнительно хорошего заработка многочисленной семье в восемь душ доставались гроши, все остальное оставалось в кабаке» [30]. Но это личные источники. Не меньше свидетельств о массовости пьянства имеется среди официальных документов и публицистики тех лет. Вот, например, слова из телеграммы 1907 г., отправленной директором-распорядителем по Сибири окружному инспектору Енисейского горного округа: «С введением в тайге нового способа добывания зо-

лота драгами установились два срока расчетов... Эти моменты всегда ожидаются многочисленным в тайге хищническим элементом, причем нередки случаи убийств выходящих с приисков рабочих, с целью грабежа, и очень часты такие случаи, когда рабочий, попавши в ловушку спиртоноса, в два-три дня оставляет весь свой полугодовой заработок» [31]. Подобная ситуация была характерна для всех сибирских приисков [1, с. 150–151]. Среди старателей сложилась на эту тему такая песня, свидетельствующая о положении дел куда более красноречивые документальных записей:

*Как домой мы возвращались,
Водкой лихо напивались...
Дома хлебушка ни крошки,
Разъедают тело вошки,
А домой брели.
Кто с пустой сумой вернулся,
Кто дорогою споткнулся.
На покой души...
Прискова жизнь-малина:
Гнешь годами низко спину
И домой бредешь.
По дорогам много блудят,
Про семью свою забудут,
С горя запоют... [7, с. 93].*

А вот что писалось о досуге народных масс Томска в «Сибирских вопросах» в 1906 г.: «После обедни еще целый день надо избыть... Конечно, чернядь идет к казенному кабаку и напивается казенной водкой вдовсталь. Занятие это вполне благонамеренное, и даже выгодно оно нашему правительству; ибо часто и последний пятак сносится туда же — правительственному кабатчику» [32, с. 70].

Однако было бы заблуждением утверждать, что пьянство являлось чуть ли не единственной и всеохватывающей формой проведения свободного времени в рабочей среде. В этом плане интересны свидетельства о досуге и развлечениях рабочих. Так, Г. П. Малетин, рабочий Николаевского рудника, пишет: «Народ развлекался почти исключительно только конными бегами, кулачными боями, лаяниями на столбы, устанавливаемые на площади, в большие праздники пьянством, драками, пересудами и т. д.» [33]. Вообще существует большое количество свидетельств, утверждающих о пьянстве как об основном свободном времяпровождении не только рабочих, но и значительной части городского населения Сибири. Однако с этим не соглашается другой автор воспоминаний, барнаульский рабочий Л. В. Решетников: «Многие из буржуазных писателей изображали рабочую среду, как поголовных пьяниц. Это, конечно, явная ложь на рабочий класс. Таких пьяниц, которые... “заливали горькую”, пропивая все с себя и оставляя голодными свою семью, среди массы, например, барнаульских рабочих, было немного.

Основная масса рабочих, если и выпивала, то чаще всего по субботам, после получки, или по воскресеньям и в большие праздники» [34].

Культурный уровень некоторых рабочих был выше. Об этом свидетельствует, например, в своих воспоминаниях о революционной подпольной борьбе томский печатник Е. А. Муравьев: «В 1898 году... был придуман способ сближения с кожевниками такой: использовать приближающиеся праздники пасхи устройством спектакля на заводе... устраивается на сушилке кож спектакль, т. е. литературный вечер, происшедший при большом стечении публики» [35]. Таким образом, мы видим то, что творческая самодеятельность в рабочих коллективах присутствовала уже в конце XIX в. и, судя по воспоминаниям, не являлась необычным или чужеродным, навязанным извне явлением.

Интересно свидетельство о свободном времяпровождении рабочей молодежи академика Ф. Г. Углова, родившегося и проведшего свои детство и юность в рабочей сибирской семье: «Все молодежные вечера проходили тогда у нас без вина. Даже домашнее пиво, которое мама готовила очень вкусным и не очень хмельным, не подавалось молодым людям. В ту пору нам странно и непривычно было бы видеть на столе в кругу молодежи бутылку со спиртным, хотя старшему брату тогда перевалило уже за 18. Даже взрослых гостей родители угощали только чаем. Пиво, домашнее вино ставилось на стол лишь по большим праздникам или торжественным дням, да и то в ограниченном количестве. Пили немного, небольшими стопками или рюмками. Больше танцевали, пели, играли. И в детстве, и в юности, которые у меня прошли в Сибири, не помню случаев, чтобы из компании кто-то “выпадал” по причине сильного опьянения. И как бы поздно ни расходились гости, отец знал, что завтра в шесть утра ему надлежит быть на работе. Поэтому всегда был “в форме”» [36, с. 13]. Также он отмечает и относительно малое пьянство среди рабочих: «Пьяниц были единицы на весь город, и их можно было пересчитать по пальцам» [36, с. 8]. Более того, по мнению автора, само отношение рабочих к пьянству и пьяницам было крайне отрицательным: «Совмещение работы и выпивки мои земляки никогда не оправдывали и не прощали. Особым уважением всегда пользовались люди непьющие. Когда говорили про человека, что он трезвенник, — это всегда было высшей оценкой его деловитости, человеческого достоинства и ума» [36, с. 15]. О том же писал в своих воспоминаниях Л. В. Решетников: «Отец был хорошим работником и притом трезвенником, умел беречь копейку. Мать также была трудолюбивой женщиной, ходила по людям стирать белье, была бережливой и верной помощницей отцу» [34].

На наш взгляд, противоречивость информации историков о характере свободного времяпровождения рабочих и, в частности, об их отношении к пьянству,

свидетельствует как раз о различии ментальных установок маргиналов, не ставших еще по духу рабочими, которым были свойственны пьянство и разгульное поведение в целом, и квалифицированных пролетариев, уже обладавших высокой самодисциплиной. Другое дело, что в Сибири последних было не так уж и много.

Следует остановиться и на религиозности пролетариата в Сибири. В 1890 г. начальник Томского губернского жандармского управления отмечал: «... среди населения замечается отсутствие религиозности» [1, с. 130]. О приисковых рабочих писал горный инженер В. Реутовский: «На приискового рабочего даже и церковь оказывает самое ничтожное влияние, 4 находящиеся на приисках церкви всегда пусты; бывают на службе служащие, жены рабочих, но присутствие рабочих — просто исключение. Частью, конечно, это объясняется и тем, что рабочие постоянно в работе, но не редки случаи и такого рода, когда и работы на прииске нет, а рабочий предпочитает во время обедни или играть в карты, или выпрашивать в доме управляющего порцию водки. К таким большим праздникам как Пасха, Рождество они относятся совершенно равнодушно, как равно и к славословиям в это время священников» [1, с. 130].

Слабая религиозность и отрицательное отношение к церкви в целом обнаруживается и в рабочем фольклоре мастеровых и приисковых рабочих Алтайского округа. Так, в преданиях о Горном Батюшке говорится о его неприязни к попам, молитвам и церковным обрядам: «Пока не приглашали на прииск попа — все шло своим чередом. Как только пригласили попа, и он отслужил молебен — золота не стало. Горного можно привести в бешенство, прочесть молитву на работе, он рассердится, завалит шахту» [11, с. 42–43].

Если сравнивать религиозную сторону ментальности сибирского рабочего, да и вообще сибиряка, то, конечно же, в этом плане он значительно отличается от своего российского коллеги, остававшегося на тот период еще весьма религиозным. Это констатирует, например, исследователь менталитета российских рабочих Ю. И. Кирьянов: «... большинство российских рабочих верили в бога, посещали церковь, чтит религиозные обычаи, обряды, праздники» [15, с. 60]. Нужно отметить то, что и сами сибиряки замечали свое различие в этом вопросе с недавними переселенцами из Европейской России. Так, один их рабочих вспоминал: «А в Сибирской около церкви жили — там народ был больше верующий, там было много расеейских, они молитв больше знали» [27, с. 175]. Далее этот автор отмечает случай раскрытия мошенничества церковников: «Пошел слух: на Половинке объявилась икона Парасковей. Чудесная икона. Ее будто татары изрубили, а она сама соединилась. Стали ее показывать в Вознесенской церкви. Слезы текли у этой Парасковей из глаз. У нас ездили глядеть это диво. Разплгядели. Это диво, говорили — в церкви устроино: из ручейка жело-

бок и проволока. Псалмопевец за нитку дернет, слезы у ней и побегут. Ловко устроено» [27, с. 175].

При изучении многих источников личного происхождения бросается в глаза негативность восприятия той действительности, в которой приходилось существовать рабочему. Так, один из рабочих пишет: «Раннее детство помню смутно. Оно было также серо и безрадостно, как и у других сотен тысяч подобных мне детей... Крайняя скудость средств, постоянная нужда в самом насущном и необходимом — создавали жизнь, которая прорывалась единственным светлым лучом, когда отец, большой любитель чтения, иногда читал нам по вечерам какую-нибудь книжку» [37]. Вот другой пример не менее негативной оценки действительности, взятый из воспоминаний А. К. Голиковой: «Детство у меня было страшно тяжелое, так как кроме стирки чужого белья других источников к существованию у нас не было. Нужда в нашей семье была настолько велика, что матери предлагали отдать несколько детей в приют» [38, с. 63]. И, наконец, один из сибирских публицистов, описывая жизнь низов населения Томска, так характеризует в целом ситуацию: «Бедность с ее «беспокойством», с ее оскорбительным, гнетущим безобразным фоном неуютной домашней обстановки, заботливое уничтожение государством нашим всяких идейных низовых течений — все это дает в производном страшный алкоголизм, прочно вошедшее в нравы битье женщин и детей, омерзительные навыки к самому смрадному «истинно русскому» сквернословью — три страшные гангрены нашего народного духа» [32, с. 71].

Конечно, тяжелые условия жизни и быта ломали многих, опуская на самое дно. У таковых жизнь превращалась в серые, монотонные и бессмысленные будни, «скрашиваемые» пьянством и разнузданным поведением. Однако эти же трудности укрепляли и закаляли характеры многих других людей, которые, несмотря ни на что, смогли подняться над ситуацией. Наиболее ярко это просматривается на примерах тяги рабочих и их детей к знаниям и учению. Вот что пишет о себе Н. К. Култышов: «Семилетним мальчуганом я впервые направился в школу, отстоящую от селения в 1,5 верстах... Регулярно в течение трех лет я мерил это расстояние вместе с другими товарищами — детьми рабочих нашего завода» [37]. Далее автору этих строк из-за нужды пришлось прервать учение, которое он называет своим «сокровенным желанием». Из тех, кто продолжал обучение, большинство оставались рабочими. Однако некоторым удавалось изменить свое социальное положение. Так, среди авторов исследуемого материала двое стали учителями [33]. В других источниках указывается на случаи, когда дети рабочих становились одним госслужащим, другой — учащимся одной из школ по подготовке инженеров в Санкт-Петербурге [39]. Аналогичная ситуация наблюдалась и у российских рабочих. Ю. И. Кирьянов отмечает:

«Благоговейным было отношения большинства рабочих к образованию, знаниям, квалификации, культуре. Рабочие проявляли жажду “света культуры”, стремились к повышению образовательного уровня. Это в известной мере обуславливалось объективными условиями — усложнением производства, городской жизнью, но в определенной мере и желанием — благодаря этому — “обустроить” жизнь, сделать ее лучше, более обеспеченной в материальном отношении» [15, с. 70].

Подводя общий итог исследованию менталитета рабочих Сибири, можно отметить следующее:

Наличие в рабочей среде промонархических настроений, основанных на свойственном аграрному холизму мировоззрению.

Преобладание локальных, неорганизованных, спонтанных, зачастую эмоциональных форм протеста и борьбы за свои интересы.

Присутствие в рабочей среде «этики праздности», проявляющейся в неприятии всякого накопительства.

Общественный досуг рабочих был разнообразен: от конных бегов и кулачных боев до постановок любительских спектаклей. Значительным, но не всеохватывающим явлением в рабочей среде было пьянство.

Слабая религиозность рабочего класса Сибири (впрочем, как и сибирского населения в целом).

Росла самостоятельность и активность жизненной позиции у женщин-работниц.

Говоря о внутренней жизни рабочих, можно отметить два основных момента:

Наличие в их среде негативной оценки своего положения в обществе и своего материального благополучия (здесь нужно отметить относительность такой оценки, как, например, по отношению к крестьянству рабочие вовсе не считали себя обделенными [40, с. 114]).

Реакция рабочих на неблагоприятную жизненную ситуацию разделялась в основном на следующее: а) смирение с ситуацией и постепенную деградацию в алкоголизме, апатии и асоциальном поведении; б) стремление к ее изменению и дальнейшему интеллектуальному росту, как своему собственному, так и класса в целом. В среде тех, кто разделял последнюю точку зрения, происходило формирование новой трудовой этики, в которой высоко оценивались такие человеческие качества, как трудолюбие, бережливость, трезвость.

Вместе с ростом культуры и материального достатка возрастало и самосознание рабочих, чувство собственного достоинства, возвышающее их над массами крестьян и полупролетариев [15, с. 71; 26, с. 147]. Борьба за свои права начинала носить все более организованный характер [1, с. 376]. Однако в целом в менталитете многих рабочих, вследствие их непродолжительной по времени и неглубокой по характеру пролетаризации, ведущими оставались структуры традиционной ментальности.

Библиографический список

1. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. — Новосибирск, 1982.
2. Тужиков В. И. Источники формирования рабочих кадров Сибири во второй половине XIX века // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири : сб. ст. — Новосибирск, 1978.
3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — СПб., 2003. — Т. 1–2.
4. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. — М., 1998.
5. Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 127.
7. Народная поэзия рабочих Сибири. — Улан-Удэ, 1974.
8. О положении рабочих в Сибири // Сибирские вопросы. — 1911. — № 34.
9. Кожевин В. Л. Российская революция 1917 года и ментальность больших социальных групп: проблемы изучения // Вестник Омского университета. — 1999. — Вып. 3.
10. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. — Томск, 1988. — Т. 1.
11. Мисюрев А. А. Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири. — Новосибирск, 1940.
12. Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. — Новосибирск, 1952.
13. Плотников А. Е. Обыденное сознание как источник познания исторической действительности (к исследованию социальных черт сибирских рабочих периода капитализма) // Рабочие Сибири в период империализма. Из истории Сибири. — Томск, 1974.
14. Пушкарева И. М. Информационные ресурсы нового массового источника по истории дореволюционного рабочего движения в России // Проблемы методологии, историографии, источниковедения истории предпринимателей и рабочих России в XX веке: материалы IV Международной науч. конф. : в 2 ч. — Кострома, 2007. — Ч. 1.
15. Кирьянов Ю. И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1817. — СПб., 1997.
16. Толочко А. П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.). — Томск, 1989.
17. Черняк Э. И. Эсеровские организации в Сибири в 1917 — начале 1918 гг. (к истории банкротства партии). — Томск, 1987.
18. Миронов Б. Н. «Послал бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. — СПб., 1997.
19. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 86. — Оп. 1. — Д. 47.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXIX. Томская губерния. — СПб., 1904.
21. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. 10. — ОП. 1. — Д. 555, 556.
22. ГААК. — Ф. Р. 212. — Оп. 1. — Д. 950–1001.
23. Серебренников В. Грамотность в Сибири // Сибирские вопросы. — 1907. — № 17.
24. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. — Томск, 1990. — Т. 2.
25. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. — Томск, 1991. — Т. 3.
26. Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в.. — Барнаул, 2004.
27. Мисюрев А. Легенды Горной Кольвани. — Барнаул, 1989.
28. ГААК. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 1253.
29. Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. — М., 1911.
30. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). — Ф. 1. — Оп. 2. — Д. 1366.
31. Государственный архив Томской области (ГАТО). — Ф. 433. — Оп. 1. — Д. 341.
32. Алтайский Б. В царстве черняди // Сибирские вопросы. — 1906. — № 6.
33. ГАО. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 19.
34. ГАО. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 3.
35. ГАО. — Ф. 5. — Оп. 2. — Д. 30.
36. Углов Ф. Г. В плену иллюзий. — М., 1985.
37. ЦДНИ ТО. — Ф. 76. — Оп. 2. — Д. 197.
38. Томские женщины двадцатого века. — Томск, 2003.
39. ГААК. — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 232, 1070.
40. Андрущенко Б. К. Экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в пореформенный период // Из истории Сибири. — Томск, 1998.